

The background of the book cover is a sepia-toned historical photograph. It depicts a large, dense crowd of people, likely a public gathering or a military procession. In the lower-left foreground, the front portion of a vintage open-top automobile is visible, showing its large spoked wheels and a box-like front structure. The crowd extends into the background, with some figures appearing to be on horseback. The overall atmosphere is one of a significant historical event.

Живая история

А. А. Мордвинов

Из пережитого

Воспоминания
флигель-адъютанта
императора Николая II

ТОМ 1

Живая история (Кучково поле)

Анатолий Мордвинов

**Из пережитого. Воспоминания
флигель-адъютанта
императора Николая II. Том 1**

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 93
ББК 63.3(0)53

Мордвинов А. А.

Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора
Николая II. Том 1 / А. А. Мордвинов — Издательство «Кучково
поле», 2014 — (Живая история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0413-4

В книге впервые в полном объеме публикуются воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II А. А. Мордвинова. Первая часть «На военно-придворной службе охватывает период до начала Первой мировой войны и посвящена детству, обучению в кадетском корпусе, истории семьи Мордвиновых, службе в качестве личного адъютанта великого князя Михаила Александровича, а впоследствии Николая II. Особое место в мемуарах отведено его общению с членами императорской семьи в неформальной обстановке, что позволило А. А. Мордвинову искренне полюбить тех, кому он служил верой и правдой с преданностью, сохраненной в его сердце до смерти. Издание расширяет и дополняет круг источников по истории России начала XX века, Дома Романовых, последнего императора Николая II и одной из самых трагических страниц – его отречения и гибели монархии.

УДК 93
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0413-4

© Мордвинов А. А., 2014
© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

«Ваш всепреданнейший А. Мордвинов»	6
Часть I	21
I	21
II	27
III	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анатолий Александрович Мордвинов Из пережитого. Воспоминания флигель- адъютанта императора Николая II. Том 1

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012-2018 годы)

Издано при поддержке фонда «Связь Эпох»

Печатается по рукописи ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 512. Л. 1-498.

«Ваш всепреданнейший А. Мордвинов»

Ухоженное кладбище в небольшом курортном баварском городке Оберстдорф. Здесь в 1940 г. был похоронен флигель-адъютант последнего русского императора Николая II полковник Анатолий Александрович Мордвинов. Но найти его могилу уже невозможно. В документах кладбищенской конторы есть сухая запись о том, что в связи с отсутствием наследников и заброшенностью захоронения место продано другим. Сейчас там новые могилы, и ничего не осталось бы в истории от русской семьи с удивительной судьбой, если бы не сохранились до наших дней воспоминания А. А. Мордвинова, написанные в эмиграции, и живописи его жены Ольги Карловны, находящиеся в различных музеях и частных коллекциях.

Автор мемуаров принадлежал к старинному и весьма многочисленному роду, известному еще со времен Ивана Грозного. В 1546 г. предок Мордвинова Ждан был взят в аманаты (заложники, обеспечивающие точное выполнение договора) от мордвы и получил поместье в Копорье (Новгородская губерния). С тех пор и вплоть до октября 1917 г. Мордвиновы владели землями в Новгородской губернии. Именно там, в Лашино (в Среднем Селе) Тихвинского уезда, родовом имении Мордвиновых, и прошли первые годы жизни Анатолия Александровича, который родился 26 сентября 1870 г.¹ Мальчик рано стал сиротой и вместе со своим старшим братом Павлом воспитывался «горячо их любившей, но не очень ласковой бабушкой».

В возрасте восьми лет Анатолий Мордвинов вместе с братом был определен в частный немецкий пансион, который после вольготной жизни в поместье был ему явно в тягость. Несмотря на стойкую нелюбовь к пансиону, казавшемуся ему, по его собственным словам, «тюрьмой», мальчик, любивший много читать, прекрасно учился и, проявив большие способности, уже во втором классе стал лучшим учеником и даже имел честь рапортовать императору Александру III во время его посещения пансиона. Обучение в пансионе имело целью подготовить учащихся к поступлению в Училище правоведения, но Анатолий был уверен, что юриспруденция не для него. Определяясь с выбором своего дальнейшего жизненного пути, он мечтал то о поприще священнослужителя как врачевателя душ человеческих, то о карьере врача как целителя человеческих страданий. Третьим по важности призванием для себя он видел военную карьеру, что, впрочем, было вполне объяснимо, поскольку многие представители его рода были военными. Прадед – Михаил Иванович Мордвинов – был инженер-генерал-адъютантом, а дед по материнской линии – Алексей Иванович Бутаков – морским офицером, принимавшим участие в экспедиции Ивана Крузенштерна, составившего одну из первых подробных карт Аральского моря. В итоге, после трех лет обучения в пансионе, Анатолий решил поступить в Николаевский кадетский корпус, хотя из-за плохого зрения далось ему это очень нелегко. Помогла память. Во время медицинского освидетельствования предшествующих ему кандидатов на поступление Анатолий выучил проверочную таблицу в кабинете окулиста наизусть и при проверке зрения безошибочно воспроизвел ее, не вызвав подозрения врачей.

В сентябре 1881 г. Анатолий Мордвинов был принят в Николаевский кадетский корпус, в который чуть ранее, но в более низший класс, поступил его брат Павел. В октябре 1888 г. Анатолий Мордвинов окончил обучение в корпусе и, как это тогда называлось, «вступил в службу». В том же году он поступил в Николаевское кавалерийское училище, из которого был выпущен 10 августа 1890 г. в чине корнета и определен на службу в лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк. Полк имел давнюю и славную историю. Сформирован он был еще в 1704 г. и назывался тогда Драгунским Иоганна Данееля Портеса полком. В свое время шефами полка были великий князь и престолонаследник Петр Федорович, будущий император Петр III (с 1742 по 1762 г.), императрица Мария Федоровна (с 1796 г.). При восшествии на престол импе-

ратора Александра II полк был назван лейб-кирасирским Ее Величества, а с ноября 1894 г. получил название лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка. За подвиги, совершенные в период войны 1812 г., полк был награжден 22 георгиевскими трубами.

О раннем периоде службы Анатолия Мордвинова известно мало, и в этом нет ничего удивительного – служба шла обычным порядком, как у всех офицеров того времени: в 1894 г., то есть через четыре года после окончания училища, он был произведен в поручики. С одной стороны, служба в полку Мордвинову нравилась и вполне устраивала его, а с другой – заставляла задумываться о своем предназначении как командира. Именно желание стать профессиональным офицером подвигло его на то, чтобы в 1896 г. подать рапорт о поступлении в Николаевскую академию Генерального штаба. Любопытно, что после окончания Академии в 1898 г. и уже по прошествии продолжительного времени Мордвинов, как он сам о том пишет, пришел к выводу, что «офицерам Генерального штаба возвеличиваться совсем не приходится». В том же 1898 г. А. А. Мордвинову было присвоено звание штабс-ротмистра.

В 1899 г. в Гатчинском дворце, неподалеку от которого был расквартирован лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полк, он познакомился со своей будущей супругой Ольгой Карловной Хис, дочерью Карла Иосифовича Хиса (Charles Heath).

Карл Иосифович (его отчество по существовавшей тогда традиции произносилось и как Осипович) был личностью легендарной. В 1877 г. уже в довольно преклонном возрасте он поступил на службу при дворе цесаревича Александра Александровича в качестве воспитателя и преподавателя английского языка августейших детей. Среди его учеников и воспитанников был и будущий император Николай II, которому в то время исполнилось 9 лет.

Карл Хис прослужил при дворе более двадцати лет. Он поступил на службу действительным тайным советником, верой и правдой служил двум императорам – Александру III и Николаю II – вплоть до своей смерти в 1900 г. По словам современников, он был абсолютно равнодушен к чинам, званиям и наградам, считая своим главным предназначением служение своим воспитанникам, которых он чрезвычайно любил. И они отвечали своему пожилому учителю (в царской семье из-за солидного возраста его ласково звали на английский манер Old Man) взаимностью. По мнению историка и дипломата С. С. Татищева, Карл Хис оказал значительное влияние на формирование характера и мировоззрения Николая II, являясь для него «в смысле интеллектуальном и духовном» тем, «чем был швейцарец Лагарп для Александра I и известный русский поэт Жуковский для Александра II»².

30 июля 1899 г. состоялась свадьба Анатолия Мордвинова и Ольги Хис. Первые два года брака супруги провели в купленном после свадьбы доме вблизи Гатчинского дворца. Затем чета Мордвиновых переехала в одну из квартир бельэтажа Кухонного каре Гатчинского дворца. Эта квартира с разрешения императрицы Марии Федоровны сохранилась за ними до октября 1917 г. Через год после свадьбы, в 1900 г., в Аничковом дворце скончался Карл Хис, а 15 февраля 1903 г. у Мордвиновых родился первый ребенок – дочь Мария. Всего у Анатолия и Ольги было трое детей – дочь и два сына, которые были слабы здоровьем и, несмотря на все старания родителей, умерли в младенчестве (старший сын в 1906 г. в имении Мордвиновых в Лашино, младший – в 1910 г. в санатории в Базеле).

Благодаря семье жены у Анатолия Мордвинова сложились тесные и даже доверительно-дружеские отношения со многими членами императорской фамилии. Довольно часто в Гатчинском дворце чета Мордвиновых проводила вечера за ужинами и беседами с представителями правящего дома. Особенно близкие отношения были у них с братом Николая II великим князем Михаилом Александровичем и его младшей сестрой великой княгиней Ольгой Александровной, которая стала крестной матерью их дочери Марии. «Я знал ее задолго до ее замужества, еще девочкой с длинными волосами, неизменной спутницей и товарищем ее

любимого брата великого князя Михаила Александровича. Уже тогда во всем ее существовании было для меня столько близкого, понятного и необычайно привлекательного. С годами моя привязанность к ней еще усилилась, и я считаю ее своей близкой, родной», – писал он впоследствии в своих воспоминаниях. Очевидно, во многом благодаря этим дружественным связям в мае 1906 г. Анатолий Мордвинов получил предложение от великого князя Михаила Александровича стать его личным адъютантом.

Вполне вероятно, что, несмотря на разницу в возрасте, определенную роль в получении этого предложения сыграло сходство характеров и увлечений великого князя и Анатолия Мордвинова. Оба любили загородную жизнь и предпочитали городу нахождение на лоне природы; оба не обращали внимания на кастовые различия и привыкли делить людей, по собственному утверждению Мордвинова, только на «плохих и хороших»; оба с пониманием относились к своим подчиненным и никогда не наказывали их за проступки; оба чрезвычайно любили музыку, а великий князь даже немного играл на фортепиано и флейте; оба были не прочь провести время в хорошей компании, но при этом категорически сторонились алкоголя.

Несомненно, что этому назначению была рада и мать великого князя вдовствующая императрица Мария Федоровна, хорошо знавшая А. А. Мордвинова. Она понимала, что рядом с ее сыном, «безвольным, легко попадающим под чужое влияние»³, который доставлял ей немало тревог за его будущее, должен быть взвешенный человек, умудренный жизненным опытом и преданный. В целом назначение личным адъютантом великого князя Михаила Александровича стало для А. А. Мордвинова не только несколько неожиданным, но и в значительной степени «было лестно и искренне его обрадовало».

Тепло попрощавшись с сослуживцами по Кирасирскому полку и получив на память «редкий полковой жетон», Анатолий Мордвинов приступил к исполнению обязанностей личного адъютанта великого князя. Любопытно, что, несмотря на высокое положение при дворе, жалование личного адъютанта составляло 200 рублей в месяц. Обстоятельства (после назначения в 1909 г. состоявшего при великом князе Михаиле Александровиче генерала Д. Я. Дашкова в свиту Его Величества) сложились так, что помимо стандартных повседневных обязанностей на Анатолия Мордвинова было возложено заведование всеми делами великого князя, как связанными с его высоким положением, так и с личным имуществом. Поскольку до совершеннолетия наследника престола цесаревича Алексея великий князь Михаил Александрович был назначен регентом, на него были возложены обязанности по представлению Российского императорского дома в многочисленных официальных зарубежных визитах. Естественно, что во время всех этих поездок рядом с великим князем находился и его личный адъютант Анатолий Мордвинов, что дало ему уникальную возможность познакомиться и пообщаться со многими представителями королевских дворов Европы – Норвегии, Швеции, Дании, Великобритании, Италии, Германии, – многие из которых достаточно подробно описаны в его мемуарах.

Первая такая поездка состоялась в 1906 г. для принятия участия в церемонии коронации короля Норвегии Хокона и королевы Мод. На пути в Норвегию великокняжеская яхта «Полярная звезда», на которой находилась российская делегация во главе с великим князем Михаилом Александровичем, сделала короткую остановку в Дании, что позволило Анатолию Мордвинову впервые лично познакомиться с датской королевской семьей, родственниками вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Наиболее яркие впечатления остались у Мордвинова от поездки в Великобританию и от личных встреч с королем Эдуардом VII.

Необходимо отметить, что А. А. Мордвинову как адъютанту великого князя было предписано сопровождать его не только в официальных, но и в частных поездках. Так, летом 1907 г., когда у Михаила Александровича возникли серьезные проблемы со здоровьем (сильные боли в области желудка и печени), Анатолию Мордвинову пришлось выехать вместе с ним в Карлсбад для проведения консультации с известным в то время профессором Норденом⁴.

В начальный период службы в качестве личного адъютанта у Анатолия Мордвинова сложились очень доверительные, почти дружеские отношения с великим князем. Еще больше эти отношения укрепились в период нахождения великого князя в Орле, куда он был направлен в 1909 г. в качестве командира 17-го Черниговского полка. Назначение в Орел было попыткой императора Николая II отослать своего брата подальше от Петербурга, где у Михаила Александровича в 1907 г. завязался роман с женой одного из его подчиненных – ротмистра Владимира Вульфберта – Натальей Сергеевной, урожденной Шереметьевской.

Против этого очередного увлечения Михаила Александровича была настроена практически вся императорская семья, считавшая, что Наталья Сергеевна ни по своему положению в обществе, ни по жизненному опыту – брак с Вульфбертом был у нее уже вторым – ни в коей мере не подходила великому князю. Именно эта любовь оказалась для Мордвинова роковой в истории его отношений с великим князем и сыграла большую роль в дальнейших взаимоотношениях между ним и Михаилом Александровичем и, более того, привела эти некогда напоминавшие братские отношения к почти полному разрыву. Еще в конце 1908 г. флигель-адъютант почувствовал, что «великий князь стал за этот год менее откровенен со мной... он чувствует, насколько я не одобряю всего того, что происходило за последние месяцы»⁵. Питая к великому князю самые теплые чувства, Мордвинов сам был категорически против этого романа, тем более что с течением времени это поначалу казавшееся романтическим увлечение переросло в серьезное чувство. В письме великой княгине Ольге Александровне от 17 сентября 1909 г. из Орла Анатолий Александрович с горечью писал: «Я переживаю тяжелые, довольно мучительные дни! Я здесь один, со своими сомнениями, печалью, волнениями, и мне неудержимо захотелось поделиться, хоть кратко, с Вами, человеком, желающим ему [великому князю Михаилу Александровичу. – О. Б.]¹ столько же счастья и добра, как и я. У нас все шло до сих пор хорошо. Мы устроились прекрасно, уютно и соответственно нашего положения. Пет[р] Александрович»⁶ не будет краснеть за нас, когда вы сюда приедете. Утром была ревностная служба, а вечера мы проводили очень уютно вдвоем. Но она [Н. С. Вульфберт. – О. Б.] приехала в Москву, оттуда полетели телеграммы, и наш покой был нарушен. Он захотел во что бы то ни стало туда поехать, отпросился у своего начальства на три дня. Все эти дни по несколько часов я отговаривал его отказаться от этой затеи. Говорил убедительно, горячо, с волнением и так резко, как никогда ранее не говорил. Он даже сказал, что меня «ненавидит» за мои резкие отзывы, но у него золотое сердце, и мы опять искренно помирились, так как он почувствовал, что я горячо желаю ему добра. Чтобы не дать возможность ехать, я сказал, что ни за что не поеду, что не хочу служить ширмой и т. п. Но ничего не помогло. Но это не так уж скверно – ведь эта история уже тянется 2 года, и я все же крепко верю, что она, хотя и через долгое время, кончится к общему удовольствию... Но не преступление ли. бросить его теперь? Чувство чести, службы и офицера говорит, что нет, чувство любви к нему, привязанности, чувство высшей совести говорит, что да»⁷.

Опасения Мордвинова, как и всей императорской семьи, оправдались. Михаил Александрович вопреки желанию своего августейшего брата и всей императорской семьи, находясь за границей, в сербской православной церкви в Вене 30 октября 1912 г. тайно совершил обряд венчания с Натальей Сергеевной Вульфберт⁸.

Еще в преддверии этого брака, понимая, что Мордвинов как человек, постоянно находящийся рядом с великим князем и как его давний товарищ, имеет на него серьезное влияние, Наталья Вульфберт всячески настраивала Михаила Александровича против адъютанта. «Меня она ненавидит всеми силами и наговаривает на меня. В октябре я уже, говоря откровенно, решил было уйти от него, настолько мне приходилось тяжело», – делился своими пережива-

¹ Здесь и далее примечания О. И. Барковец (О. Б.)

ниями с вдовствующей императрицей Марией Федоровной Мордвинов в письме от 6 февраля 1910 г.⁹ Немалую роль в охлаждении отношений между великим князем и Мордвиновым сыграла, может быть, излишняя прямота и откровенность последнего. «Все, что было возможно высказать Михаилу Александровичу по этому поводу, я ему уже давным-давно высказал, с дружеской откровенностью и почти с братской настойчивостью, не опасаясь ни его гнева, ни нашей полной размолвки, и считал, что этим я исполнил свой долг как перед ним, перед его семьей, так отчасти и перед своей родиной, до конца», – вспоминал об этом периоде адъютантской службы Анатолий Мордвинов. Вскоре некоторая натянутость отношений между Натальей Вульферт и Анатолием Мордвиновым переросла в стойкую неприязнь.

Взбешенный известием о браке брата Николай II вызвал к себе А. А. Мордвинова и приказал ему немедленно отправиться в Канны, где в то время находился Михаил Александрович. Император просил сообщить последнему о том, что он запрещает младшему брату возвращаться в Россию и требует подписать акт об отказе от всех прав на престол. Мордвинов ответил, что он готов выполнить все поручения и передать акт об отречении Михаилу Александровичу, но при этом не будет встречаться с Натальей Вульферт. Царь отнесся к этому с пониманием. Вот как описывал император Николай II свое отношение к браку Михаила Александровича в письме матери от 7 ноября 1912 г.: «К несчастью, между мною и им сейчас все кончено, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз он сам мне говорил, не я его просил, а он сам давал слово, что на ней не женится. И я ему безгранично верил!.. Ему дела нет ни до твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, кот[орый] это событие произведет в России... Стыдно становится и тяжело. У меня тоже была первая мысль скрыть это известие, но, прочтя его письмо два-три раза, я понял, что теперь ему нельзя приехать в Россию...»¹⁰

Мордвинов выполнил поручение императора. Вот что об этом писал Михаил Александрович брату 16 декабря 1912 г.: «Мордвинов мне передал бумагу для подписи, а кроме того, на словах твой разговор. Я очень сожалею, что не получил от тебя письменного изложения твоих желаний и требований. Мордвинова трудно было понять, так как он волновался и ничего не мог сказать о моей дальнейшей участи. Кроме того, он мне передал несколько угроз от барона Фредерикс[а], как, например, даже о лишении меня титула. Я очень хотел бы знать, твое ли это желание или только слова барона Ф[редерикса]. Вот почему я так прошу письменно изложить все, что меня ожидает. На развод и возвращение в Россию без семьи я согласиться, конечно, не могу. Прости меня, что я еще не подписал присланную мне бумагу, но мне необходимо до того выяснить некоторые условия будущей моей жизни, и также надеюсь, что ты мне облегчишь мою судьбу и исполнишь мои просьбы, которые, мне кажется, не могут в будущем принести никаких затруднений. Я не могу об них писать в этом письме, так как не знаю, желаешь ли ты их выслушать. Если же ты пожелаешь это сделать, то обещаю тебе, что я их написал и отдал Мордвинову для передачи тебе»¹¹.

Но его встреча с великим князем в Каннах носила сугубо официальный характер: под влиянием Натальи Вульферт в отношениях между ним и Михаилом Александровичем произошел глубокий разлом. Об этом красноречиво свидетельствовал постскрипtum из того же письма: «Очень прошу в случае надобности не присылать больше Мордвинова... С Мордвиновым мои личные отношения давно кончены, и мне очень тяжело говорить с ним о таких интимных вещах»¹².

Дальнейшая служба в качестве личного адъютанта великого князя представлялась Анатолию Мордвинову уже невозможной. Ситуация усугублялась еще и тем, что он как человек, в последние годы постоянно находившейся рядом с великим князем и хорошо осведомленный о всех его не только служебных, но и хозяйственных делах, был назначен заведовать опекой над имуществом Михаила Александровича, введенной Указом императора от 15 декабря 1915 г. В результате Мордвинов подал рапорт об отставке его с должности и написал прощаль-

ное письмо великому князю, которое было воспринято им как оскорбительное и практически поставило точку в их взаимоотношениях. «После его оскорбительного письма, которым сопровождался его рапорт об увольнении, считаю личные отношения с ним поконченными», – написал Михаил Александрович в письме Н. А. Врангелю¹³ 21 декабря 1912 г.¹⁴ Тем не менее рапорт не был удовлетворен императором. До конца 1912 г. Мордвинов еще трижды подавал прошение об отставке, прося «освободить от этой, ставшей ненужной должности и от тяготивших обязанностей по опеке, но Его Величество не давал на то согласия». Наконец, в начале марта 1913 г., А. А. Мордвинов подал четвертый по счету рапорт Николаю II, «указывая, что все дела великого князя [им] уже переданы высочайше над ним учрежденной опеке и что в [его] дальнейшем заведовании ими уже более не представляется надобности». На этот раз его просьба была удовлетворена, причем весьма необычным, прежде всего для самого Мордвинова, образом – Анатолий Александрович был назначен флигель-адъютантом императора.

Первое время служба флигель-адъютанта казалась полковнику А. А. Мордвинову совсем необременительной – редкие (не чаще одного раза в месяц) дежурства и эпизодические поездки с царской семьей в Крым или в финские Шхеры, что еще раз свидетельствует о близости и высоком уровне доверия со стороны императора и его семьи к Мордвинову. В то время у Николая II было более пятидесяти адъютантов, и, естественно, только избранные приглашались сопровождать августейшую семью во время приватного отдыха. Весьма редко (на памяти самого Мордвинова не более 2-3 раз) император давал какие-либо особые поручения во время дежурства. Мордвинов как бывший адъютант брата царя и как человек, которого лично знали многие члены царской семьи, во время дежурств в Александровском дворце практически всегда «проводил значительную часть времени с Их Величествами, приглашался не только на прогулки и завтраки, но и к обеду Их Величеств и оставался там по вечерам». Сохранялось, правда, бремя ведения имущественными делами находившегося за границей великого князя Михаила Александровича в рамках утвержденной над ним опеки, от которой, несмотря на многочисленные просьбы Анатолия Александровича, император как главный опекун не готов был пока его избавить.

Но скоро безмятежной службе и опекунским обязанностям было суждено закончиться. С конца июня 1914 г. угроза войны стала вполне реальной и ощутимой. 19 июля А. А. Мордвинов находился вместе с семьей в своем имении Лашино. Уже по дороге в Петербург он узнал о начале войны. 21 июля 1914 г. по прибытии в Петергоф на дежурство А. А. Мордвинову было объявлено, что он «впредь, и во время войны, должен оставаться в числе тех 3-4 флигель-адъютантов, которые числились в личной свите государя императора». Первое дежурство в военное время стало для Мордвинова в некоторой степени историческим, потому что именно во время него он как адъютант государя 22 июля получил телефонное сообщение от посла Великобритании в России Джорджа Бьюкенена о том, что Англия объявила войну Германии и готова сражаться против нее вместе с Россией.

Наиболее значительные перемены в службе и в жизни Мордвинова произошли не столько с началом Первой мировой войны, хотя она, безусловно, увеличила его рабочую нагрузку, сколько с 1915 г., то есть с того времени, когда император взял непосредственное Верховное главнокомандование русской армией на себя и переехал в Могилев, в Ставку. Мордвинов в числе избранных флигель-адъютантов находился при нем. Служба в Ставке позволила Мордвинову в полной мере окунуться в гущу самых животрепещущих событий того времени: боевые действия на фронте и обстановка в тылу, перестановки в правительстве, взаимоотношения внутри императорской семьи, политика союзников и, наконец, отречение государя. В 1915 г. по поручению Николая II А. А. Мординов дважды объехал практически все фронты и ознакомился с состоянием войск и лагерей военнопленных. В докладе флигель-адъютанта императору от 10 декабря 1915 г. говорилось: «24 ноября 1915 г. повелено мне проверить на месте

жалобы военнопленных славянской национальности на скверное и обидное отношение к ним со стороны русских военных властей... Жалобы были преувеличены»¹⁵.

Как адъютант императора Мордвинов проводил гораздо больше, чем раньше, времени с монархом в часы его досуга, во время совместных прогулок, совершавшихся Николаем II практически ежедневно. Когда в Ставке был цесаревич Алексей, которого император брал с собой в Могилев осенью – зимой 1915 г. и весной – осенью 1916 г., Мордвинов часто сопровождал Николая II с сыном во время их автомобильных и пеших прогулок.

В 1916 г. в Ставку несколько раз приезжала императрица Александра Федоровна вместе с великими князьями. В период этих визитов вся августейшая семья в сопровождении ближайшего окружения, в которое входил и Мордвинов, выезжала на отдых на Днепр, облюбовав песчаный берег, который им напоминал пляж в Евпатории в Крыму. Ни один флигель-адъютант не упоминается в дневниках Николая II наиболее часто, чем Мордвинов. Так, 26 августа 1916 г. в Ставке император записал: «...прогулка... на правый берег... дети всячески изводили, мучили и старались топить Мордвинова...»; 5 октября: «Вечером приехал Мордвинов, и его мучили!»; 6 октября: «Дочери опять возились с Мордин[овым]»¹⁶.

Беседы с Николаем II во время совместных прогулок, а также время, проведенное с членами императорской фамилии в неформальной обстановке, позволили А. А. Мордвинову не только стать для них окончательно «своим», но и искренне полюбить тех, кому он служил верой и правдой с преданностью, сохраненной в его сердце до самой смерти. Мордвинов в силу интеллигентного характера и глубокой религиозности не замечал ни Распутина, ни интриг двора. Его любили за искренность и верность, открытость и добросердечие. Может, поэтому у Анатолия Александровича сложились очень теплые отношения с царскими дочерьми, особенно с младшей из них – великой княжной Анастасией. Императрица Александра Федоровна в письмах мужу в Ставку назвала А. А. Мордвинова «славным», «блаженным», что красноречиво характеризует личность флигель-адъютанта и отношение к нему царской семьи¹⁷.

В Ставке Мордвинов стал лично знаком со многими крупными военачальниками и с постоянными представителями иностранных военных миссий союзнических государств, выезжал вместе с императором для проведения инспекций войск, осмотра техники и посещения госпиталей. Все эти многочисленные встречи и люди, многие из которых сыграли ключевую роль не только в исходе войны, но и в дальнейшей судьбе России, достаточно подробно были описаны в посвященных тому периоду мемуарах.

О самом А. А. Мордвинове его сослуживцы по Ставке написали немного. Протопресвитер русской армии и флота отец Георгий Шавельский вспоминал о флигель-адъютанте так: «Полковник лейб-гвардии Кирасирского полка Мордвинов выделялся своею скромностью и застенчивостью. Это был весьма чуткий, мягкий, отзывчивый человек»¹⁸. О его глубокой религиозности писал и генерал-майор Д. Н. Дубенский¹⁹.

Судьба распорядилась так, что Анатолию Мордвинову пришлось стать свидетелем одного из самых судьбоносных событий в жизни Российской империи – отречения от престола Николая II. В тот день, 2 марта 1917 г., будучи дежурным адъютантом, Мордвинов с болью в сердце наблюдал за нравственными, душевными переживаниями императора, за действиями некоторых лиц из его окружения, которые, по мнению адъютанта императора, в значительной мере подтолкнули его к принятию решения. «Это решение было принято им, как всегда, единолично, в борьбе лишь с самим собою, и посвящать в свою душевную драму других, даже близких людей, он по складу своей застенчивой, но и самолюбивой натуры, вероятно, не только не хотел, но и не смог», – писал в воспоминаниях Мордвинов.

Для самого адъютанта царя, убежденного монархиста, собственные душевные муки усугублялись еще и тем, что после отречения Николая II от престола его отказался занять и вели-

кий князь Михаил Александрович. По мнению Мордвинова, «выбор государя действительно остановился на человеке, не только менее всех подготовленного для управления государством, но и менее всех желавшего возведения на трон, а по обстоятельствам его личной жизни уже заранее призвавшего себя к такому возвеличению не подходящим». «Никогда во всю мою жизнь, даже находясь впоследствии подолгу в застенках большевиков и ожидая ежедневно и ежечасно кровавой расправы, я не испытал такого давящего ощущения и столько не перечувствовал мелочей, в ущерб, конечно, главному, как в ту пору», – вспоминал он в эмиграции.

После отречения Николая II и его отъезда в Царское Село полковник Мордвинов по совету генерала Вильямса, главы английской военной миссии в Ставке, и получив разрешение императора, летом и осенью 1917 г. продолжал оставаться в Могилеве, при союзных военных представителях, одновременно заведую наградным отделением для иностранцев. Так Мордвинов вспоминал свою последнюю встречу с императором в Ставке после отречения: «Государь был один, стоял в глубине комнаты... «Что, Мордвинов?» – спросил государь. «Ваше Величество, – очень волнуясь и сбивчиво заговорил я, – я только что был у генерала Вильямса. он мне настойчиво советует оставаться здесь. говорит даже, что это почему-то будет полезнее для вас. Как вы думаете, что будет лучше для вас. быть может, вам действительно будут нужны когда-нибудь преданные люди, находящиеся здесь...» «Конечно, оставайтесь без колебаний...» – сказал государь, порывисто приблизился ко мне, обнял и крепко, крепко поцеловал...»

Находясь в Ставке в 1917 г., Мордвинов пытался поддерживать связь с великими князьями и неоднократно писал им, но последнее письмо от них, сохранившееся в его рабочих бумагах после возвращения из отпуска, он получил лишь в конце июня 1917 г. Письмо было вскрыто и измято – его явно кто-то читал. Потом случайно, из газет, в конце лета он узнал об этапировании царской семьи в Сибирь.

После октября 1917 г. А. А. Мордвинов покинул Ставку, далее арест и счастливое избавление от расстрела, дорога в родовое имение Лашино. И снова – арест местными органами власти уже по прибытии домой, затем отправка для дальнейшего разбирательства в Петроград, заключение в Трубецкой бастион и встречи в нем со многими знакомыми, перевод в лазарет при Выборгской тюрьме в Петрограде и, наконец, долгожданное и несколько неожиданное освобождение. Неожиданное оттого, что А. А. Мордвинова как флигель-адъютанта императора могла ожидать совсем другая, куда более суровая участь, в суете и неразберихе того времени его тюремщики так и не разобрались, кем он являлся на самом деле.

После освобождения, понимая, что дальнейшее пребывание в России ни для него, ни для его семьи невозможно, Мордвинов предпринял попытку выехать с семьей в Финляндию. На самом деле эта попытка представляла собой совершеннейшую авантюру, за счастливый исход которой несли ответственность люди, едва знакомые. В результате перед самой границей Мордвиновы были арестованы и заключены в тюрьму, выжить в которой в немалой степени помог художественный талант жены Мордвинова Ольги Карловны, которая рисовала портреты охранников и однажды – даже коменданта тюрьмы. Вскоре семейство Мордвиновых предстало перед дивизионным революционным трибуналом, который, «признав Мордвиновых Анатолия, Ольгу и Марию виновными в предумышленном и тайном переходе через финляндскую границу, постановил: все их имущество конфисковать, а самих «за болезнью жены и малолетством дочери от наказания освободить».

Наконец, спустя год, семье удалось покинуть советскую Россию и выехать в Прибалтику, где они нашли приют в виленском имении Павла Мордвинова, старшего брата Анатолия Александровича. Сведения о первых годах пребывания Мордвиновых в эмиграции весьма запутанны и противоречивы. Из виленского имения брата семья переехала в Германию, в Берлин-Ванзее, где в то время обосновался хорошо знакомый Мордвинову последний гетман Украины Павел Петрович Скоропадский. Ольга Мордвинова по заказу Скоропадского сделала

несколько копий со старых портретов членов его семьи, в том числе и портрет самого гетмана²⁰. Далее семья Мордвиновых с 1921 по 1923 г.²¹ жила в небольшом городке Браунлаг в горах Гарц, а в ноябре 1923 г. переехала в Обер-стдорф (в 175 километрах от Мюнхена), где голландским дворянином Лама Трипом де Бофором (Laman Trip de Beaufort), поклонником творчества Ольги Карловны, был подарен дом²².

Любопытно, что спустя более 20 лет, весной 1945 г., когда советские войска были уже на подступах к Берлину, и гетмана Скоропадского, оказался он в руках СМЕРШа, ждала совсем незавидная судьба, Ольга Мордвинова (Анатолий Александрович к тому времени уже умер) предложила семье Скоропадских переехать в более безопасное место – в свой дом в Обер-стдорфе. В апреле 1945 г. 71-летний Павел Петрович Скоропадский и его дочь Елизавета в сопровождении старушки няни и адъютанта гетмана Дмитрия Грищинского выехали из Берлина в Оберстдорф. По дороге, на железнодорожной станции Платтлинг, они попали под бомбежку авиации союзников. Павел Петрович был серьезно ранен и через десять дней, 26 апреля 1945 г., скончался в госпитале городка Маттен. Там же он был и похоронен. Лишь через год состоялось его перезахоронение на кладбище города Оберстдорф, где позднее были погребены и многие другие члены его семьи²³.

В Оберстдорфе семья Мордвиновых жила небогато и обеспечивала свое существование в основном за счет заказов на портреты, получаемых Ольгой Карловной, которая стала пользоваться довольно широкой популярностью. Она писала портреты не только представителей знатных семей, которые проживали в Оберстдорфе или приезжали туда провести отпуск, но и много путешествовала с этой целью, посетив добрую половину стран Европы. Во время одной из таких поездок, оказавшись в Англии, Ольга Карловна попыталась обратиться за помощью по получению заказов к Бойду Карпентеру, дальнему родственнику семьи, с которым Мордвинов случайно познакомился во время своей поездки в Англию, сопровождая великого князя Михаила Александровича. Тогда Мордвинов, впервые узнавший о его существовании, по приглашению Карпентера, утверждавшего, что фамилия Мордвиновых глубоко почитается в их доме, побывал у него в гостях, познакомился с его женой и расстался «если и не горячо, по родственному, то почти друзьями». После обмена несколькими письмами и фотографиями родственников связь с ними Мордвиновы не поддерживали. Теперь же, стремясь найти работу в качестве художницы, Ольга Карловна предприняла попытку обратиться к Бойду Карпентеру с письмом через Карлтон-клуб, членом которого он состоял. Однако письмо так и осталось без ответа, а Бойд Карпентер, по словам Мордвинова, оказался «единственным из наших знакомых, кто счел лишним откликнуться на наше русское горе». Анатолий Александрович предлагал жене обратиться за художественными заказами к представителям английского королевского дома, со многими из которых он был неплохо знаком, однако она «из-за своей хорошей гордости ни за что не хотела обратиться за приисканием художественной работы ни к королеве Александре, ни к принцессе Виктории. ... И все же Ольга Карловна, являвшаяся, несомненно, талантливой художницей-портретисткой, сумела найти работу и обеспечить себя заказами. О популярности Ольги как художницы свидетельствует тот факт, что в 1932 г. шестьдесят одна ее картина была выставлена в галерее Jean Charpentier в Париже. Помимо живописных работ Ольга Карловна иногда делала карандашные портреты: так, до наших дней сохранился портрет великой княгини Елизаветы Маврикиевны²⁴.

Сохраняя любовь к воинской службе и преданность родному полку, Анатолий Мордвинов, в свое время написавший его историю²⁵, в 1921 г. вступил в объединение лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка²⁶ и являлся одним из первых его членов. Находясь в эмиграции, Мордвинов продолжал поддерживать контакты со многими представителями великокняжеских семей, с которыми он был ранее хорошо знаком во время службы в полку и проживанию с семьей в Гатчинском дворце.

В годы эмиграции особенно активную переписку он вел с великой княгиней Ольгой Александровной, которая была крестной матерью его дочери Марии. «...Прошло уже более 15 лет, как я видел ее в последний раз. Но мы находимся с ней в постоянной переписке. Это был и остался для меня и моей семьи друг, в полном объеме этого слова, который действительно никогда не забудет и никогда не изменит», – писал он. Сохранил Анатолий Мордвинов дружескую связь и с герцогом Георгием Николаевичем Лейхтенбергским, который проживал тогда в своем родовом замке Зеон в Баварии. Именно Георгий Лейхтенбергский в 1927 г. пригласил к себе Мордвинова, чтобы тот мог встретиться и высказать свое мнение о находившейся у него в замке девушке, называвшей себя великой княжной Анастасией Николаевной, избежавшей смерти при убийстве императорской семьи в Екатеринбурге.

Остаток жизни Анатолий Александрович провел в Баварии, в небольшом городке Оберстдорф в окружении родных – жены Ольги и дочери Марии. В 1925 г. она приехала к ним из Англии, где несколько лет проработала швеей, зарабатывая на скромную жизнь. 19 января 1940 г. полковник Мордвинов скончался на руках у близких и был похоронен на кладбище Вальдфредхоф (Waldfriedhof) в Оберстдорфе. Ольга Карловна, оставшись одна, жила в доме вместе с подругой Маргаритой Буш, также в свое время эмигрировавшей из Петербурга и находящейся в Германии по нансеновскому паспорту, и дочерью, которая работала воспитательницей в детском доме. В 1952 г. Ольга Карловна, стремясь обеспечить старость подруге, завещала одну треть дома ей и одну треть – дочери Марии. 17 декабря 1953 г., пережив мужа на 13 лет, она тихо скончалась в местной больнице и была похоронена рядом с А. А. Мордвиновым.

В 1955 г., после того как Маргарита Буш выехала из дома, Мария продала его, а вырученные средства потратила на строительство детского санатория. Мария Мордвинова так и не вышла замуж и не оставила потомства. Она умерла 18 июля 1971 г. и была похоронена рядом с родителями. Поскольку в течение многих лет могила Мордвиновых оставалась без ухода и оплаты, в 1986 г. на ее месте было сделано новое захоронение.

А. А. Мордвинов оставил после себя большие по объему мемуары. Писать их он начал в начале 1920-х годов. Вести дневник, по утверждению автора, он начал после его разговора с императрицей Александрой Федоровной. «Нет, вы должны писать непременно дневник, – говорила государыня, – всякий человек обязан это делать, и делать искренне, помня, что это полезно и необходимо не только для себя, но и для других, и помогает не только памяти, но и правде». Значительная часть этих дневников пропала в Гатчине осенью 1917 г., когда революционные солдаты проводили обыск в царском дворце. Поэтому при написании мемуаров автору приходилось опираться на собственную память. По всей видимости, именно этим объясняются некоторые неточности, допущенные автором в датировке и последовательности отдельных событий, фамилиях и т. д.

Впервые отрывки из той части мемуаров, которая посвящена отречению царя, были опубликованы в эмиграции в 1923 г. в журнале «Русская летопись». Отдельным изданием эта часть записок вышла в Париже в 1925 г., затем издана в СССР в 1927 г. и переиздана вновь в 1990 г.²⁷

В конце 1930-х гг. автор передал полный экземпляр мемуаров, озаглавленный им «На военно-придворной службе», в Русский Заграничный Исторический архив в Праге. Этот архив в 1945 г. был передан в дар правительством Чехословакии Академии наук СССР, до конца 1980-х гг. находился на секретном хранении в бывшем ЦГАОР СССР (Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и управления СССР). После рассекречивания фондов журнал «Отечественный архив» в 1993 г. опубликовал небольшую часть мемуаров А. А. Мордвинова, посвященную Николаю II и его отречению²⁸. Далее, в 1990-2000-х гг., фрагменты воспоминаний входили в различные издания, посвященные последнему императору России и его семье²⁹.

К сожалению, мало кто из русской эмиграции 1920-1930-х гг. оставил письменные оценки воспоминаниям А. А. Мордвинова. Следует упомянуть о весьма критичном взгляде на мемуары флигель-адъютанта великой княгини Ксении Александровны. В письме от 1 декабря 1938 г. близкой подруге графине А. А. Апраксиной она написала: «Я вспомнила, что не ответила тебе насчет Мордвинова. Он живет в Швейцарии – нет, вру, в Баварии. Жена (дочь Mr. Heath) делает портреты пастелью – она замечательно талантлива – и тем зарабатывает на жизнь. Он хороший человек, но очень бесцветный, и его мемуары так же бесцветны, как он сам!»³⁰ Отметим, что великая княгиня Ксения Александровна мало знала А. А. Мордвинова лично. Она лишь эпизодически встречала Анатолия Александровича у матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, в Гатчинском дворце и вряд ли могла быть объективна в оценке его личности.

Сохранившиеся мемуары А. А. Мордвинова под общим названием «Из пережитого» состоят из трех основных частей: «На военно-придворной службе», «Отречение государя. Жизнь в царской Ставке без царя», «Мои тюрьмы», а также короткого фрагмента «Мои встречи с девушкой, именующей себя спасенной великой княжной Анастасией Николаевной». При этом необходимо заметить, что в сохранившейся версии записок, несмотря на логическую и хронологическую последовательность упомянутых выше трех основных частей, сам автор производит несколько другое деление. Так, хронологически и повествовательно следующая за первой частью мемуаров часть вторая – «Отречение государя. Жизнь в царской Ставке без царя» – обозначена им как часть третья, а «Мои тюрьмы» – как пятая. Конечно, нельзя исключить, что какие-то фрагменты воспоминаний были утрачены. Однако в начале пятой части «Мои тюрьмы» автор приводит следующее деление мемуаров: 1. Моя придворная служба; 2. Отречение государя; 3. Жизнь без царя; 4. Воспоминание об императоре Николае II; 5. Мои тюрьмы; 6. На чужой стороне. Такое деление на разделы, сделанное самим автором, практически исключает это допущение, поскольку и с точки зрения логики, и с точки зрения хронологии, и с точки зрения цельности повествование полностью укладывается в содержание и наименования трех более крупных частей воспоминаний. Скорее всего это кажущееся несоответствие свидетельствует лишь о том, что автор с течением времени неоднократно возвращался к своим мемуарам, дополнял, перерабатывал и систематизировал их. Возможно лишь допустить, что до нас не дошли какие-то фрагменты из раздела «На чужой стороне», поскольку жизнь в эмиграции описана автором весьма скудно. С другой стороны, вполне вероятен и тот вариант, что автор прекратил работу над мемуарами в конце 1920-х годов после встречи с Лже-Анастасией, а дальнейшая жизнь в эмиграции не отличалась обилием событий, которые заслуживали бы, по его мнению, особого внимания.

Мемуары, наполненные чувствами, размышлениями, переживаниями и оценками различных людей и событий, носят весьма личный характер и в первую очередь предназначались автором дочери Марии. Вот как он сам писал об этом: «...Я не хотел бы, чтобы, кроме тебя, мама, моего брата и великой княгини Ольги Александровны – моих единственных друзей, мнением которых я особенно дорожу, – кто-нибудь другой прочел бы страницы моих записей за то время». Мордвинов хотел, чтобы дочь из первых рук узнала об истории семьи, своих предках, многих исторических личностях, с кем его сводила служба при дворе, и, конечно, о тех эпохальных событиях, в гуще которых волею судеб в свое время оказался ее отец. «Не для современников тогдашних событий и были написаны, в свое время, эти записки. Мои свидетельства я посвящал поэтому не им, а в лице моей дочери тому молодому русскому поколению, что идет нам на смену», – писал он в декабре 1921 г.

Воспоминания А. А. Мордвинова обилуют личными обращениями к дочери и представляют собой нечто среднее между беседой и повествованием. Автор стремится рассказать дочери не только историю жизни их семьи, о своей службе при великом князе Михаиле Александровиче и дворе императора, встречах со многими историческими личностями, но и рас-

крыть свой внутренний мир через призму личных переживаний и эмоций. Поэтому в воспоминаниях так много лирических отступлений, очень ярко характеризующих А. А. Мордвинова как человека неравнодушного и искреннего, иногда по-детски наивного, по словам императрицы Александры Федоровны – немного «блаженного», но преданного России и царской семье. В отличие от других представителей окружения императора Николая II, оставивших свои воспоминания о последнем царе и его семье³¹, он с чрезвычайной деликатностью пишет о великом князе Михаиле Александровиче и его романе с Н. С. Брасовой, императоре Николае II и его семье, аккуратно обходя щепетильные темы, как, например, влияние Г. Распутина на императрицу Александру Федоровну. Он был в курсе многих внутренних семейных проблем Романовых, но не опустил в воспоминаниях до уровня слухов и сплетен, которые всегда были вокруг двора. Он и в эмиграции, после падения монархии, остался навсегда, как он подписывал письма императрице Марии Федоровне, «вашим всепреданнейшим А. Мордвиновым».

Автор, видимо, несколько лукавит, утверждая, что его записки были предназначены лишь для узкого семейного круга, поскольку по ходу повествования он неоднократно вступает в полемику с другими очевидцами событий, опубликовавшими свои мемуары. Еще одно подтверждение тому – публикация А. А. Мордвиновым части мемуаров, посвященной отречению царя, в 1923 г., то есть менее чем через год после их написания (июнь 1922 г.).

Первая часть «На военно-придворной службе» была начата, по утверждению автора, примерно в 1906 г. Она охватывает период до начала Первой мировой войны и посвящена детству, обучению в пансионе и кадетском корпусе, истории семьи Мордвиновых, началу службы, знакомству с женой, семейным событиям и, конечно, службе в качестве личного адъютанта великого князя Михаила Александровича.

Особого внимания заслуживают разделы, посвященные великому князю Михаилу Александровичу, а также Николаю II и его семье. На протяжении многих лет Мордвинов, за исключением членов семьи, ближе всех находился к великому князю и был не просто его личным адъютантом, а практически другом, который знал все особенности его характера, привычки, занятия, увлечения, отношение к жизни и обществу, наблюдал его поведение в различных ситуациях. Комментарии автора касательно особенностей мироощущения и жизненных установок великого князя Михаила Александровича помогают лучше понять побудительные причины и мотивы многих его поступков, а следовательно, составить и более цельную и правильную картину о нем как личности. Мордвинов как человек, хорошо знавший Михаила Александровича и, несмотря на размолвку, сохранивший к нему самые теплые чувства, проводит целый анализ (может быть, не совсем объективный!) причин, объясняющих как его отношение к престолонаследию в целом, так и мотивов, побудивших его отказаться от престола в марте 1917 г.

Вторая часть мемуаров «Отречение государя. Жизнь в царской Ставке без царя» была начата в конце февраля 1917 г., в дни, предшествовавшие отречению Николая II, и представляет собой собранные воедино сделанные в тот период заметки и дневниковые записи. «Сколько несчастий, – целая эпоха несчастий, всегда где-то, около каждого народа таящихся, но – настойчиво опять повторяю – вызванных у нас непосредственно к жизни лишь одним отречением! С этого страшного события я и начал свои записки», – писал автор. По словам А. А. Мордвинова, он и еще несколько человек из ближайшего окружения императора, находившиеся рядом с ним в эти дни и бывшие непосредственными свидетелями и участниками событий, связанных с отречением Николая II, приняли решение по свежим следам записать все сохранившиеся в их памяти подробности. Составление записок началось в царском поезде на пути между Псковом и Могилевом в первых числах марта 1917 г. Записи под диктовку участников событий вел на разрозненных листах карандашом начальник походной канцелярии императора генерал К. А. Нарышкин. При этом было договорено, что в дальнейшем он передаст копию этих записок каждому из их составителей. Тем не менее во время нахождения в

поезде сделать это он не успел, а в дальнейшем в суматохе того времени был безвозвратно утерян и оригинал записи. Таким образом, дошедшая до нас вторая часть мемуаров была составлена Мордвиновым в период с декабря 1921 г. по июнь 1922 г. на основе собственных воспоминаний и впечатлений. Наибольший интерес в этой части мемуаров представляет не столько достаточно подробная хронология событий, которая была многократно представлена другими очевидцами, сколько описание внутренних переживаний императора, его реакции на происходящее, а также личностные оценки, которые дает автор Николаю II и его ближайшему окружению. Несмотря на некоторый субъективизм оценки происходившего, объясняющийся личным отношением автора к императору, его описания поведения и эмоционального состояния царя, бесспорно, являются уникальным источником информации. «Я имел радость стоять все же ближе к царской семье... В тот ужасный день, 2 марта, мне пришлось быть последним дежурным флигель-адъютантом не только при русском императоре, но и при моем относившемся ко мне с такой добротой государе. Я писал то, что видел, что чувствовал, хотел быть искренним и совершенно беспристрастным», – вспоминал он.

Третья часть мемуаров «Мои тюрьмы» написана в 1922 г. в Гарце (Бавария) и представляет собой подробный рассказ о нескольких арестах, пребывании в тюрьмах и неудачной попытке покинуть Россию. Иными словами, о тех испытаниях, которые, по утверждению автора, оказались для него «наиболее жестокими, но зато и более поучительными». Мордвинов детально описывает тюремный быт, существовавшие в тюрьмах порядки, поведение тюремщиков и взаимоотношения между людьми, многие из которых были некогда хорошо знакомы, другие относились к разным общественным слоям, но теперь волею судьбы оказались в заключении, объединенные общим несчастьем, человеческими интересами и горячим желанием оказаться на свободе. Любопытно, что, несмотря на явно глубочайшие переживания и потрясения, автор не пишет злобой к своим тюремщикам и описывает их скорее в несколько пренебрежительной манере как людей очень недалеких, не знающих счета дальше «шашнадцати», которые «пришли ко власти не бунтом и захватом, а каким-то хотя и непонятным, но законным путем, преемственно от прежнего Временного правительства» и которые «с таким тупым старанием караулили бы и самого Кольцова с Лениным, если бы они оказались на нашем месте и если бы об этом пришло откуда-нибудь «приказание». Периодически упоминая о том, что большевики творили зверства, Мордвинов не приводит ни одного конкретного примера, что, видимо, объясняется тем, что он, безусловно, о неких зверствах и издевательствах слышал, но сам, к счастью, не испытал ни того, ни другого. Попав в первую волну арестов сразу же после октябрьских событий, когда многих расстреливали без суда и следствия, Мордвинов оказался в числе тех «счастливиц», которым удалось избежать скорой расправы и достаточно быстро выйти на свободу только благодаря тому, что из-за царившего в то время общего хаоса его тюремщики посчитали его обычным офицером, так и не разобравшись, кем он был на самом деле. Знай они, что им руки попался флигель-адъютант императора, человек из ближайшего окружения царской семьи, расправа не заставила бы себя ждать.

С огромной любовью и глубочайшей признательностью пишет Мордвинов о своей жене Ольге. По его словам, только ее настойчивость, самоотверженность и даже отчасти самопожертвование позволили ему достаточно быстро выйти из застенков. Опять-таки ее стараниями был найден первый, правда, как оказалось, неудачный вариант выезда из страны. Супругов вообще связывали очень сильные и прочные чувства. На протяжении всех мемуаров Мордвинов постоянно возвращается к описанию их взаимоотношений, стремлению быть вместе даже в период его служебных поездок. Ольга и Анатолий были счастливы, прожив в браке более 40 лет, и, несмотря на смерть двоих сыновей, все трудности, лишения и страдания, выпавшие на их долю, до конца жизни сохранили любовь друг к другу.

Несколько особняком от основных трех частей мемуаров находится небольшой фрагмент воспоминаний, озаглавленный «Мои встречи с девушкой, именующей себя спасенной великой

княжной Анастасией Николаевной». Написан он в августе 1928 г., можно сказать, по свежим следам встреч, состоявшихся весной 1927 г. в замке герцога Георгия Лейх-тенбергского Зеон, в Баварии. Это был период накала страстей вокруг Анастасии Чайковской (более известной как Анна Андерсон), именовавшей себя чудом уцелевшей при казни царской семьи великой княжной Анастасией. К тому времени как Георгий Лейхтенбергский пригласил ее к себе в замок и попросил Анатолия Мордвинова приехать, чтобы провести несколько встреч с ней и высказать свое мнение о ней, с ней уже встречались хорошо знавшие Анастасию многие представители царского двора и семьи, включая великую княгиню Ольгу Александровну и воспитателей царских детей Сиднея Гиббса и Пьера Жильяра. Несмотря на то что большинство из встречавшихся с женщиной, выдавшей себя за великую княжну, не признали ее, точка в этой истории еще не была поставлена. В этой ситуации Мордвинов должен был, по мысли Георгия Лейхтенбергского, внести свою лепту в попытки установить истину. Его мнение как человека, прекрасно знавшего великую княжну Анастасию Николаевну и много общавшегося с ней, было чрезвычайно важно не только для все еще сомневавшегося в ее идентичности герцога Лейхтенбергского, но и для уже видевшихся с ней людей из ближайшего окружения царя. Именно поэтому в вводной части к этому фрагменту воспоминаний Мордвинов писал: «Дневник этот, ввиду их убедительной просьбы, я давал для ознакомления великой княгине Ольге Александровне, великому князю Александру Михайловичу и г-ну Пьеру Жильяру, бывшему воспитателю маленького наследника». Мордвинов не стал заранее извещать о своей поездке в Зеон великую княгиню Ольгу Александровну «из желания оградить великую княгиню от обычных в таких случаях сплетен и недоразумений, будто она нарочно меня подослала, чтобы подкрепить ее «предвзятое» мнение». В этом фрагменте воспоминаний Анатолий Мордвинов очень подробно описывал дни, проведенные в Зеоне, его встречи с Анной Андерсон и причины, заставившие его прийти к однозначному выводу о том, что г-жа Чайковская или, как ее еще называли, Шанцковская³², отнюдь не великая княжна Анастасия Николаевна»³³.

В целом мемуары Анатолия Мордвинова написаны хорошим литературным языком. Необходимо отметить, что в ходе повествования автор приводит множество цитат писателей, политиков и историков различных эпох, великолепно ориентируется в воспоминаниях современников, опубликованных к моменту создания мемуаров, и аргументированно полемизирует с ними, стремясь отчасти восстановить историческую правду, отчасти – обосновать свою собственную точку зрения. Мемуары изобилуют описанием многих исторических личностей, как в России, так и за рубежом, с которыми Мордвинову пришлось встречаться в период службы.

Первая полная публикация всех частей воспоминаний А. А. Мордвинова расширяет и дополняет круг источников по истории России начала XX века, Дома Романовых, последнего императора Николая II и одной из самых трагических страниц – его отречения и гибели монархии.

Публикуемые воспоминания представляют собой подлинник – машинописный экземпляр, отпечатанный на разных пишущих машинках и исправленный автором. Оригинал хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 512 (116 л.); Д. 513 (210 л.); Д. 514 (548 л.)). Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации.

Составитель выражает глубокую благодарность сотрудникам городского музея и Регистрационного бюро г. Оберстдорф (Германия) за их помощь и сотрудничество в поиске материалов. Отдельные слова благодарности исследователю и журналисту Александру Рёсле (Roessle) (г. Оберстдорф) за его профессиональную поддержку, дружеское участие и искренний интерес к истории русской эмиграции. Спасибо также коллегам из ГА РФ за помощь в работе по фондам архива – начальнику отдела Елене Чирковой, заведующей архивохранилищем Ирине

Засыпкиной и ее сотруднику Софье Хорошевой, а Александре Барковец – за перевод с немецкого языка.

Ольга Барковец

Часть I

На военно-придворной службе

I

Моей дочери – вместо предисловия

Вдумывалась ли ты когда-нибудь о том: какая удивительная вещь наша память. Где остаются, сохраняясь, бесчисленные впечатления, которые нас постоянно наполняют с детства до глубокой старости и которые через десятки лет снова могут быть вызваны к жизни со всеми своими, почти прежними, тонкими ощущениями.

Ведь все мельчайшие частицы нашего тела от костей до мозга включительно, как говорит наука, находятся в непрерывном движении, а весь состав его сменяется чуть ли не каждые 7 лет, и от прежнего физического в нас не остается и следа...

В материальном мозгу они, следовательно, не могли бы запечатлеться так долго!

Не является ли и это одним из лишних бесчисленных доказательств, что все материальное «исчезает», меняясь до неузнаваемости, и что лишь духовное может оставаться постоянным...

Но как бы ни силиться постичь такое явление, я горячо благодарю Бога за этот чудный дар.

С ним нечего отчаиваться, что наше существование проходит бесследно, уносясь с каждым мигмом в какое-то неизведанное пространство, откуда, как уверяют, ничему не бывает возврата...

Нет, наша прошлая жизнь не уходит от нас навсегда – она всегда с нами, хотя и следует порою на очень почтительном расстоянии, но подзывать ее к себе может ведь всякий и по собственному желанию вновь испытать то, что было когда-то в детстве, из старика превратиться порою вновь в молодого, ощущать почти с не меньшей силой прежнее хорошее и дорогое, одним словом, найти то, что казалось навсегда исчезнувшим.

Не в этом ли, конечно, лишь отчасти, смысле и сказал Ибсен: «что обладать вечно мы можем только потерянным».

Но ведь отрадно находить только милое и ценное, «обладать же вечно» тяжелым и ужасным, ничего, кроме постоянных страданий, нам не принесет!

И тут человеку наряду с памятью дана не менее чудесная возможность забвения – забвения тяжелых дней не только при помощи времени, но и по своей собственной воле, но опять-таки благодаря вдумчивым, настойчивым воспоминаниям о еще более ярком, всегда пересиливающим, хорошем, что приходилось каждому из нас переживать на своем веку.

Да и испытания нам даны лишь «отчасти», чтобы еще ярче выделить все то прекрасное, что нас всегда окружает, но что в нашем благополучии мы привыкли почти не замечать.

Не было бы ночи – не видели бы мы, конечно, и звезд. Забыть все несчастья и помнить только о счастье, когда-то давно бывшем, – способность заманчивая, которая, конечно, дается нелегко, и не всякий сможет одержать эту победу над самим собой; но без нее нельзя и искренно следовать проникновенному завету апостола: «будьте всегда радостны и за все благодарите Бога»!

* * *

Память и забвение! Понятия, казалось бы, уничтожающие взаимно друг друга, но только при чудесном совместном наличии их обеих наша жизнь, о которой так приходится задумываться под старость, получает другую, настоящую оценку: она уже не полна «несправедливых» и «ненужных» страданий и не является «даром напрасным и случайным», который так раздражал поэта...

С ней не только начинаешь мириться, но и крепче чувствуешь, что ее надо лишь благословлять...

Есть и у меня о чем вспомнить, о чем задуматься, о чем помечтать, а главное, есть за что благодарить...

Если «всякое переживание душою», по словам Гете, «есть выигрыш», то много было мне даровано самых неожиданных выигрышей на моем веку...

С изумительной прихотливостью бросала меня судьба от одного «изведывания» к другому, как бы торопясь возможно красочнее показать, что есть наиболее прекрасного и отвратительного на свете...

Да! Много, много всего было намешано в этом объемистом тяжелом кубке, из которого мне пришлось пить свой напиток жизни, но жажда моя все еще не утолена, и так грустно сознавать, что мое земное будущее становится уже совсем коротким – столько мечталось сделать, увидеть, узнать, и вот, к изумлению, уже приходится с упреком говорить самому себе: «все откладывал!», «намеревался!», «забавлялся!», «готовился!» – «а время вот и ушло»...

«Прежних порывов и сил не вернешь»!..

Да, почти как один день пронеслись эти долгие года, а сколько вмещал в себя этот действительно только лишь миг нашего существования на земле.

Я знаю, что ему полагается так быстро промчаться, но мне до боли порою жаль, что я как Фауст, не мог, когда хотел, воскликнуть: «Остановись, мгновенье! Как ты прекрасно!»¹

Их было так много, этих прекрасных мгновений!

Но стоит ли грустить о приближающейся старости?

Завидовать ли мне вот этому дереву, которому, наверно, больше 300 лет, а оно все еще свежо и зелено?

Или, глядя на эту беззаботную бабочку, не любоваться ею, а лишь тоскливо думать, что часы ее уже сочтены?..

Не будет ли лучше, как ребенок, не задумываясь о будущем, которое тогда представлялось бесконечным, вбирать в себя по-прежнему из красоты мироздания все новые и новые впечатления, продолжать удивляться как ей, так и стройности и необходимости существующего, и, полный мирного благодарного доверия к Высшей Воле, почти не замечать мелькающих мимо дней?

А страдания?! А несчастья?.. И они только ведь миг, а вечных страданий беспредельная любовь Бога, нам, конечно, не даст...

Нет, пока есть глаза, возможность слышать, осязать, радоваться и думать, а вместе с этим верить, надеяться и прощать, не стоит страшиться и надвигающейся старости, как не страшится ее ребенок.

Детство и старость! Так различны эти состояния, но все же в одном главном они одинаковы – оба находятся при вступлении в неизвестность.

Пронесшиеся 54 года отодвинули слишком мало меня от начала моего существования, иначе впечатления далекого детства мне не представлялись бы такими близкими, как вчерашний день, и я не чувствовал бы эти долгие годы лишь мгновением – а от мгновенья разве может ребенок состариться? Да и где начало моей жизни?

Началась ли она действительно всего лишь 54 года назад, а быть может, не «живу» ли я значительно дольше?

Не связаны ли мы все, ясно ощутимыми нитями с прошлым даже отдаленных веков? Быть может, наша жизнь лишь потому и представляется нам короткой, что мы не считаем всего прошлого своим.

Разве не сборными мыслями этих веков я, в конце концов, думаю, не их ли начальные звуки в музыке слышат до сих пор мои уши, не на их ли хотя и измененные образы продолжают еще смотреть мои глаза?

Благодаря не словам ли, записанным евангелистами еще 2000 лет назад, но запавшими в мою душу столь недавно, я так, а не иначе, смотрю на Божий свет...

Я, конечно, не мог бы быть даже физически таким, каким я есть, если бы все мое духовное и даже материальное существо не получило преемственного начала в те далекие времена, при мысли о которых меркнет всякое представление о молодости или старости...

Да, человеческая жизнь это действительно мгновение; недаром уверяют, что в минуты смертельной опасности люди могут всю ее, без остатка, окинуть духовным взором лишь в несколько земных секунд, но она вместе с тем и вечность, не имеющая начала; а что не имеет начала, не может иметь и конца...

Не будем поэтому с тобою особенно грустить, что наши годы проносятся так стремительно быстро...

Чем еще новым, более сильно захватывающим, сказалось бы на нас их замедление?..

Мы все ждем от жизни самых радостных, волнующих или удовлетворяющих впечатлений, а они уже вошли в нас давным-давно, еще в наши детские дни, и более восторженных и удивительных уж нам не найти.

Мы растем, а с нашим ростом все в нас мельчает, и чудеса окружающего нам уже не кажутся по-прежнему поразительными.

Счастлив тот, кто смог накопить впечатлений именно из этих прекрасных годов и удержать их в полной силе до седых волос, потому что ими, пожалуй, только одними ими, сможет согреться и успокоиться наша холодная рассуждающая старость...

Все остальное, последующее, столь разнообразное, волнующее «величавое», «мудрое», «научное», «политическое», притягательное, все, что кажется в юношеские годы таким заманчивым и необходимым и что успевает вносить жизнь в этот мгновенный промежуток между детством и старостью, уже не дает таких восторженных воспоминаний...

Да и краски этих годов, несмотря на большую их к нам близость, почему-то становятся блеклыми, и мысль об этих событиях зрелой жизни как будто опасается забираться в их глубину – действительно, какая уж там глубина, в этой постоянной «суете сует», которая сначала непрощено забирается в наше существование и от которой мы затем и сами не желаем или не можем отделаться...

«Будьте как дети!»² – вот евангельские слова, которые начинаешь понимать по-настоящему, только пройдя долгий жизненный путь, которым, несмотря на всю трудность исполнения и «смешное безумие», хотелось бы все-таки следовать...

«Для великих вещей, – говорил и мудрец древности, – необходимы сердце и глаза ребенка».

Было и у меня мое памятное дорогое детство: детство, правда, довольно одинокое, сиротливое, без отца и матери³, проведенное в доме горячо нас любившей, но не очень ласковой бабушки⁴, и все же детство в деревне, полное очарований и от природы, и от всего уклада тогдашней помещичьей жизни.

Все в этом начале было так волнующе-радостно, так не похоже на то, что было потом!

А потом появились каменные громады города, тротуары, выложенные плитами, незнакомая, движущаяся непрерывным потоком толпа, непрерывный треск экипажей и, наконец, тюрьма иностранного пансиона⁵ с чуждым мне языком, с невыносимыми для выросшего на деревенской свободе мальчика требованиями.

Зато какой восторг, бывало, раз в году, весной, вырваться из этого ада, пройти по деревенской песчаной дорожке, чувствовать снова наконец настоящую землю под собой, выскакивать из почтового тарантаса и валяться, взвизгивая от радости, на первой же по дороге лужайке.

Все, что было не город, было одно наслаждение.

Даже запахи от нагретой солнцем кожи тарантаса, дегтя его колес и махорки от «цигарки» ямщика, тучи слепней и комаров – и те были необычайно приятны, и те запомнились до сих пор...

О восторгах при приближении к родной усадьбе я уж не говорю, да о них и нельзя сказать на языке человеческом.

Впоследствии, уже в юношескую пору, мне много, много раз приходилось покидать нелюбимый город и приезжать на короткое время в мою родную деревню. Было и тогда особенно отраднo, и опять легко становилось на душе.

Но прежней восторженности детства, как я ее к себе ни призывал, – уже не было. Она ушла куда-то с годами начала моей жизни и уже более ко мне не возвращалась...

Нет, вероятно, только ребенок может хвастаться настоящей тонкостью ощущений и радоваться тем бесчисленным радостям, которые нас постоянно окружают, но которые мы так быстро привыкаем не замечать.

В эстетических переживаниях зрелого возраста, правда, бывает порою много изощренной тонкости, но к ним всегда примешивается и небольшая частица рассуждающего ума и обыкновенно собою все портит. Когда говорит душа, ум обязан молчать, но как отделаться от его назойливого нашептывания?!

Разве лишь старость – благодарная старость, спокойная, без болезни, без угрызений совести, быть может, придет тут на помощь и превратит нас, по закону природы, снова в прежних малых детей.

Понемногу затихнет ум, ослабнет память, отодвинутся вдаль все житейские заботы, и, быть может, снова заговорит лишь одна душа...

Но заговорит ли она действительно по-детски, радуясь, как раньше, всему окружающему и не страшась нисколько неизвестного будущего?

Если да, то какое счастье наша наивно-детская, глубокая и беспомощная старость!..

Но до нее тебе еще далеко, моя милая девочка, – жизнь, заманчивая в твои годы своими обещаниями, еще только начинает открываться тебе.

Я знаю, она влечет тебя, и тебе не хочется оглядываться назад.

Ты действительно много увидишь замечательного – того, чего, вероятно, не увижу уже я, но еще больше испытаешь обыденного, всегда и везде, до скуки, повторяющегося...

Но многое все же ушло навсегда, и пережить его живо можно только в воспоминаниях очевидцев.

Познать это неизведанное прошлое через других, но при неперменном свете своих собственных размышлений, не менее заманчиво, чем думать, по-своему же, и о неизвестном завлекающем будущем – ведь они оба таинственны, и из них обоих складывается наша жизнь.

Но помни всегда, что только прошлое это – наш самый верный, надежный и привязанный друг. Его советы подчас неприятны, но зато доброжелательны и правдивы, его рассказы интересны, потому что они искренни, и они – были. Правда, много ужасного было совершено этим прошлым, но зато и много предостерегающего опыта накопилось у него.

А в призывах прекрасного будущего, как бы им ни верилось, всегда чувствуется немного сказки или обольщения...

Впрочем, и сказка нередко превращается в действительность, да и благородное обольщение пока длится – прекрасно, и не мне охлаждать твои юношеские мечты...

Сам дожив до седых волос, я слишком часто прислушиваюсь к этим заманчивым посулам грядущего – потому что только ведь в будущее зовет нас наша надежда, а без нее как нам подняться до веры, живущей уж очень высоко!..

Ну, довольно непрошенных рассуждений о воспоминаниях!

Ты ведь ждешь давно самих воспоминаний, и притом из моей более благополучной поры, непосредственно прилегавшей к нашему позорному Петербургскому бунту или к так называемой революции русского народа.

Эти годы, связанные и с началом великой европейской войны, застали меня на военно-придворной службе, а описать ее как следует нелегко.

Лишь выдающимся по таланту писателям-художникам, и притом не только связанным тесно с придворным бытом, но и умеющим вдумчиво наблюдать со стороны, по плечу такая задача.

Из всех наших авторов, которых мне приходилось читать, только гр. Л. Толстой да Маркевич смогли, а гр. Алексей Толстой, да из моих современников гр. Ар. Ар. Голенищев-Кутузов, по моему мнению, пожалуй, могли бы передать с художественной правдой и необходимыми оттенками картины этой, более чем другие, прихотливой жизни. Все потуги остальных мне всегда казались напрасными.

Не жди поэтому от меня ни особой последовательности в рассказе, ни красочных описаний, ни особенно интимных подробностей той дворцовой обстановки, среди которой протекала моя тогдашняя служба.

Менее всего мне хотелось быть при этом нескромным; в жизни императорской семьи, как и в жизни всякого частного человека, есть стороны, которые, несмотря на всю их безобидность, имеют право не подлежать всеобщему любопытству, даже самому благожелательному и любовному. Имеют право, но, как известно, не имеют к тому возможности.

За последнее время в особенности все вытащено из дворцов на улицу, все перемешано грязью уличной злобы и страстями партий.

Будущим поколениям трудно будет отличить, что в этом общем комке принадлежит действительности и что вымыслу.

Помня всегда сказанные когда-то молодой императрицей слова о необходимости для каждого ежедневных записей, чтобы помочь впоследствии истине, я все же касаюсь в своих воспоминаниях лишь того истинного, что задолго до меня попало в печать и вызвало неправильные толкования.

Да не покажутся другим, даже и тебе, мои записки слишком предвзятыми, вызванными желанием обелить необелимое или чем-либо тому подобным. Это было бы несправедливо по отношению ко мне. Никогда не интересуясь самим собою, а лишь меня окружавшими, я писал то, что видел, что чувствовал, хотел быть искренним и совершенно беспристрастным.

Смотрел ли я хорошо и зорко? Не знаю – судить, конечно, не мне. Говорят, что посторонним, издали, виднее. Может быть. Но это только тогда, когда кругом все ясно.

В надвинувшихся густо на нашу страну сумерках смуты такое отдаление только мешало.

Я имел радость стоять все же ближе к царской семье, и мне, как казалось, было легче других разобраться в тогдашней придворной обстановке.

Да и раньше, когда я не был еще «при дворе», меня притягивала не столько сама эта обстановка, сколько те главные люди, около которых благодаря их положению кипела причудливая придворная жизнь; а они смотрели на эту жизнь почти с тоскливым безучастием, нередко с раздражением и очень часто с небольшой усмешкой, так не чувствовавшиеся многими...

Как и прежние русские императоры, государь и в те предреволюционные годы все же оставался центром тогдашней жизни России.

Несмотря на существование Думы и на нападки так называемой общественности, он продолжал, по убеждению большинства населения, обладать всей силой неограниченной самодержавной власти, врученной ему столько же Богом, как и желанием народным.

К нему одному поэтому среди других чаяний неслись со всех сторон чаяния о высшей справедливости, но как к нему самому, как я уже сказал в другом месте, редко кто, помимо простого народа, относился справедливо...

Справедливость и сила – вот понятия, сопоставляя которые невольно вспоминаются слова, сказанные когда-то Паскалем:

«Справедливость бессильна без силы, а сила это тирания без справедливости»⁶.

Никому, я думаю, с такой горечью не пришлось испытать эти слова на самом себе, как моему ушедшему, на несчастье России, государю.

Некоторые его действительно не стыдились называть даже «тираном, подлежащим свержению», а другие в противоположность считали слабым и безвольным.

А он был только полный любви, скромности и доброжелательства человек, постоянно чувствовавший свои обязанности, еще больше свое человеческое бессилие.

И все же у него было неизмеримо больше совести, доверия и искренних стремлений к Богу, а с этим и к высшей Правде, чем у людей, клеветавших на него, захвативших вскоре власть, и силою, действительно уже без всякой справедливости, предавших как его, так и всю Россию на мучения...

«С порфирой ушло все красивое из нашей жизни», – сказала как-то в разговоре одна наша земская деятельница, женщина-врач.

Это неожиданное суждение о революции, «красотой» которой в те дни еще не переставали восхищаться, высказанное притом человеком далеко монархически не настроенным, меня удивило и заставило лишний раз призадуматься.

«Да, она, безусловно, права», – думал я тогда и продолжаю думать теперь. Но ушло не только красивое – ушло более высокое и самое необходимое для моей родины – исчезло столь ясное в глазах народа воплощение народной совести, а с ним ушла, быть может, надолго, и сама наша милая, родная, всегда совестливая Россия.

Для меня лично вместе с порфирой ушло тогда из жизни и другое, еще более близкое. В тот ужасный день, 2 марта (1911 г. – О. Б.) мне пришлось быть последним дежурным флигель-адъютантом не только при русском императоре, но и при моем, относившемся ко мне с такой добротой государе.

Будущего, того хорошего будущего, как для себя так и для других, о котором столько мечталось, во мне уже не было.

Помню, я уткнулся в те часы в угол моего вагонного купе, ни о чем не думая, а лишь повторял: «Теперь конец... Конец всему...

Но довольно... Вот тебе те отрывки моих воспоминаний из последних годов императорской России, которых ты от меня так давно ждешь.

Прочти их, думая не только о минувших годах, но иногда и обо мне лично. Это прошлое я бережно храню в своей памяти – оно, быть может, повторится для моей родины, но уже не будет таким прежним для меня...

II

В один из наших полковых праздников⁷, когда ты была еще совсем крошкой, ко мне подошел после обеда великий князь Михаил Александрович и еще более смущенно и застенчиво, чем всегда, сказал:

– Анатолий Александрович, мне давно хотелось переговорить с вами по одному вопросу, очень близко касающемуся нас обоих... да все было как-то неловко... вот и сейчас не знаю, как бы лучше у вас спросить...

– В чем дело, – ответил я, – спрашивайте, ваше высочество, совершенно откровенно. Вы ведь знаете, как я рад всегда и во всем вам помочь... Не стесняйтесь, если и будет что-либо неприятное для меня.

– Видите ли, – с милой и еще более смущенной улыбкой продолжал Михаил Александрович, – государь уже давно хотел вас сделать своим флигель-адъютантом, а я его все просил оставить вас мне... вот и сегодня шел об этом разговор... Скажите, вы не очень сердитесь на меня за такое непрошеное вмешательство?..

– Что вы, ваше высочество, – воскликнул я. – Разве можно на это сердиться... наоборот, я не знаю, как вас и благодарить за такое доброе желание по отношению ко мне.

– Нет, правда вы не сердитесь?! И согласились бы, несмотря на это, быть моим личным адъютантом? Я так бы радовался, если бы вы согласились... Я давно об этом мечтал.

– Ваше высочество... еще раз горячо благодарю... разве можно отказываться от такого милого предложения... но подумали ли вы, насколько я подхожу к вам – ведь я гораздо старше вас по годам, да и, по правде говоря, довольно скучный и не занимательный господин?..

– Ну уж позвольте мне об этом самому судить, – живо возразил Михаил Александрович. – Я много об этом думал, и мне предлагали и других, а многие и сами напрашивались – так было несносно – а я не хотел... Вы совершенно ко мне подходите... нет, правда, более подходящего для меня я никого другого не знаю.

– Когда так, – отвечал я, – то я и согласен, и счастлив быть при вас – спасибо вам сердечное за дорогие слова... Только дайте мне, ваше высочество, сейчас же одно обещание, без которого мне было бы очень трудно служить при вас... обещайте мне, как только вы хоть немного почувствуете, что я совсем не то, чем вам кажусь теперь, и приношу вам не пользу, а вред, или вам мешаю, то сейчас же, не стесняясь, откровенно сказать мне об этом, чтобы мы могли расстаться, оставаясь друзьями...

Ведь в личной службе хуже нет для подчиненного, когда его лишь терпят из-за излишней деликатности.

– Что вы, что вы, Анатолий Александрович! – заговорил, искренно волнуясь, добрый Михаил Александрович. – И обещать не хочу, потому что того, о чем вы говорите, никогда не будет.

– Ваше высочество! Иначе...

– Ну хорошо! Хорошо! Обещаю, если уж вам так хочется... только знаю, что напрасно... Значит, вы теперь «мой»?!

– Да, всею душою ваш, ваше высочество – как был им и раньше, – еще раз спасибо, что подумали обо мне...

– Нет, это я вас должен благодарить... для меня это такая радость – наконец иметь своего собственного, по собственному выбору адъютанта... Только, пожалуйста, не говорите еще пока об этом никому. Вы знаете, что всегда происходит при таких случаях. Я буду у государя и попрошу отдать об вас в приказе... тогда будет уж прочно.

– А жене сказать можно? – спросил я. – Она будет так довольна. У меня от нее секретов нет.

– Конечно, скажите, хоть сейчас, – отвечал он. – Ольга Карловна и вы – это одно и то же. – И, пожав мне еще раз руку, великий князь отошел.

Таково было вступление мое в тогдашнюю дворцовую службу.

Назначение адъютантом к великому князю Михаилу Александровичу, тогда единственному брату государя, которого благодаря семье моей жены я успел давно узнать и полюбить, было очень лестно и меня искренно обрадовало.

Радость моя была бы совсем громадна, если бы не приходилось менять свой гвардейский кирасирский мундир и расставаться уже навсегда с полковой жизнью.

Из всех счастливых служебных годов моей юности, да, пожалуй, и всей моей жизни, годы службы в моем родном кирасирском Ее Величества полку были счастливейшими из всех. С ними у меня связывается столько непередаваемо хороших переживаний, что коротко рассказать о них, конечно, нельзя... Скажу только, что все то, чего ждешь в жизни от человеческих взаимоотношений, я нашел с избытком в нашей тесно сплоченной кирасирской семье.

И должен оказать, нашел далеко не по заслугам. Но тем дороже они были и остались для меня и тем яснее показывают, насколько в искренно любовной, почти одинаковой по привычкам и воспитанию товарищеской среде могут настойчиво не замечаться человеческие недостатки.

Многие не понимают корпоративных особенностей полковой жизни, да и саму военную службу считают пустой, ничего не говорящей ни уму, ни сердцу...

Эти люди, конечно, заблуждаются. Пищу для ума и сердца можно найти всюду, даже в пустыне или тюрьме, надо только уметь найти ее; тем более она изобильна там, где большое количество людей соединено не механически, а духовно, и не только для «красивой и беспечной жизни», но и для целей, высоту которых, из благодарности, не должен был бы никто оспаривать.

Но эти духовные преимущества являются главным образом принадлежностью лишь жизни в полку. Ни в гражданской службе, ни в службе по выборам, ни тем более службе в штабах, непривлекательные особенности которых мне приходилось подолгу наблюдать, – их уж не найти.

Девиз каждой хорошей воинской части: «Все за одного – один за всех» – там не только не находит сердечного отклика, но, как и в придворной службе, представляется совсем непонятным для расчетливого ума...

Тебе поэтому, мой дорогой полк, и мои самые восторженные воспоминания, и моя неизъяснимая благодарность. Ты дал мне незаслуженно то, чего в последующей совместной жизни с другими людьми я уж больше не имел.

Впрочем, и там, в этой новой служебной жизни, бывали порою и дружба и искренность, но они первоначально рождались лишь от внимания ко мне высших, а не от простого влечения ко мне самому...

Как отнеслись к моему назначению окружающие?

Полковые товарищи, все без исключения, были искренно довольны и без малейшего чувства зависти, сердечно меня поздравляли; для остальных это событие, конечно, прошло незаметным, хотя смена мундира гвардейского кавалерийского полка на ничего не объясняющий глазу скромный общеадъютантский сказала и на мне, при встречах с некоторыми, своеобразным пренебрежением.

В особенности удивил меня своею неожиданною холодностью один мой старый товарищ по академии, офицер одного из блестящих полков, моей же I гвардейской кавалерийской дивизии, с которым у меня и после академической скамьи сохранялись прежние дружеские отношения.

Он был уже давно в генеральном штабе и делал хорошую военную полудипломатическую карьеру. Встретив меня тогда как-то на улице Петербурга в адъютантском уже мундире, он

прошел мимо, совершенно как будто меня не замечая, и лишь небрежно отмахнув рукой мое обычное в военной среде к нему приветствие.

Но через несколько дней, когда приказ о моем назначении был уже опубликован, я с ним случайно встретился снова в вагоне поезда, отправлявшегося за границу.

Он бурно бросился тогда меня обнимать и поздравлять, непрестанно повторяя: «Милый Толюша, как я рад, как я рад за тебя! Такое назначение!.. Вот не ожидал!.. Пойдем скорей ко мне в купе... я недавно женился и хочу сейчас же представить тебя своей жене!...»

Через несколько долгих лет я опять увидел его в Могилеве, когда отречение государя уже совершилось, все было для меня кончено и когда поддержка друзей для меня была так нужна.

Он был тогда уже видным генералом и приехал в Ставку из Петрограда, чтобы устроить свое назначение на фронт.

Но его встреча со мной была еще более небрежна и холодна, чем в тогдашние дни моего назначения...

О подобном, столь житейском и в таком бесчисленном разнообразии повторяющемся, конечно, не стоило бы и упоминать. Но я был молод, был сильно избалован дружеской искренностью моей прежней школьной и полковой товарищеской семьи, и все испытанное мне было еще ново и чрезвычайно больно.

Впоследствии я довольно скоро привык к таким переменам и старался как мог не придавать им никакой цены, хотя это и было трудно по моей натуре.

Но все же этот первый укол моему самолюбию был нанесен, к счастью, не из придворной среды. Он последовал со стороны довольно многочисленных людей, еще только старавшихся проникнуть в этот узкий круг, где подобные переходы от «приязни» к безразличию и к «неприязни» или наоборот бывают менее откровенны, а порою совершаются под такой очаровательной внешностью, что в них не скоро и разберешься.

Они там, как и большинство чувствительных излияний, по меткому выражению Тургенева, очень часто бывают «словно солодовый корень – попробуешь, как будто сначала и сладко, а потом очень скверно станет во рту»⁸...

Но и придворная жизнь, как наша, так и иностранная, несмотря на всю забавную тонкость ее оттенков, есть та же человеческая жизнь, совершенно с теми же достоинствами и недостатками, как и везде.

И там, не лучше чем в уездном городке, существуют свои местные, маленькие интересы, свое обывательское любопытство, и своеобразная мелкая борьба честолюбий.

Все это чувствуешь в ней, лишь в более утонченной, даже изысканной форме, и в этом ее главное превосходство, пожалуй, даже достоинство, – уж если житейская накипь всюду не вкусна, то пусть она будет хоть подана по крайней мере красиво...

Общность формы одежды адъютантов великих князей с адъютантами всевозможных штабов и управлений вызвала со стороны первых понятное по человеческим слабостям неудовольствие, особенно усилившееся после убийства Сипягина.

Тогда убийца, одетый в форму штабного офицера, выдал себя за адъютанта одного из великих князей и под покровом не только этого звания, но и одежды легко нашел доступ к министру⁹.

Насколько помню, именно тогда и возникло предположение присвоить этим адъютантам, с целью отличия от остальных, вензеля соответствующих великих князей на погоны, по примеру уже имевшихся таких же в их шефских частях, но ходатайство это не встретило ни малейшего одобрения у государя, и все осталось по-прежнему...

Через неделю состоялся высочайший приказ о моем назначении, мой новый мундир был уже готов, и я поехал в Петергоф представляться Его Величеству.

В тот день представлявшихся было особенно много, и прием происходил не как обыкновенно в Александрии¹⁰, каждого по отдельности, а общий в одной из зал большого Петергофского дворца.

Я встал, согласно списку, в общую очередь вместе с остальными, но ко мне подошел дежурный тогда флигель-адъютант, конногренадер Стефанович, впоследствии убитый большевиками, и предупредил:

– Мордвинов, станьте немного поодаль от представляющихся, государь желает вас принять последним, отдельно от других.

Когда последний из представлявшихся вышел из зала, государь приблизился ко мне.

– Я очень рад, Мордвинов, – с приветливой улыбкой сказал он, – что выбор моего брата остановился на вас... Он меня уже давно просил... Признаться, я думал сделать для вас другое...

– Ваше Величество, – отвечал я, – я давно знаю Михаила Александровича и успел искренно полюбить его – быть у него личным адъютантом для меня и для моей семьи такая радость... сердечно благодарю и вас, и его.

Государь перестал улыбаться и пытливо и долго посмотрел на меня.

– Ну, не только радость, – как-то особенно серьезно сказал он, – но и большая, нелегкая ответственность ложится на вас. Помните всегда это... мой брат так еще молод...

– Ваше Величество! – чуть не воскликнул я, смущенный таким, как мне казалось, ненужным напоминанием об ответственности. – Всеми силами буду стараться, чем могу быть полезным моему великому князю.

– Надеюсь и даже уверен, что это так и будет, Мордвинов, – снова приветливо улыбаясь, сказал государь и после незначительных вопросов о моей семье и службе в полку подал мне, прощаясь, руку и вышел из зала.

Я отправился в другое, соседнее помещение дворца, где принимала отдельно молодая императрица.

Ее Величество в те годы еще не особенно свободно говорила по-русски, и разговор происходил на французском языке¹¹.

Государыня со своей, как всегда, немного стесняющейся, при разговоре с еще не знакомыми людьми, улыбкой встретила меня и сразу же в очень сердечных выражениях заговорила о Михаиле Александровиче.

– Я так люблю нашего Мишу... он такой простой, добрый, а главное, искренний... с ним всегда чувствуешь себя свободной... не так, как с другими, – тихо добавила она. – Я уверена, что вы с ним еще ближе сойдетесь, когда будете все время при нем... Впрочем, вы ведь успели его узнать еще мальчиком в семье вашей жены... Он мне рассказывал, как бывал у вас со своей неразлучной милой сестрой Ольгой... Она очень радуется вашему назначению, я тоже очень довольна, что эта прежняя связь еще больше упрочивается... Они так любили вашего beau pere. (Речь идет о тесте Мордвинова – К. Хисе. – О. Б.)

Разговор затем перешел на предстоящую нам вскоре поездку морем на коронацию в Норвегию, и моя аудиенция кончилась.

Мое представление императрице-матери произошло совершенно неофициальным и оригинальным образом.

На другой день после Петергофа мы возвращались с Михаилом Александровичем с прогулки в окрестностях Гатчины, как нам повстречался автомобиль императрицы, в котором, кроме Ее Величества, находилась и великая княгиня Ксения Александровна.

Завидев его, Михаил Александрович сделал знак, чтобы он остановился, и, подведя меня к автомобилю, торжественно-шутливо заявил:

– Мама, вот мой новый адъютант, который желает тебе сейчас же, на сем самом месте, представиться.

– К чему это, – сказала улыбаясь, но немного недовольная остановкой императрица, – я его и так давно знаю, – и, пригласив нас к себе в автомобиль, довезла до дворца.

Представление всем остальным членам императорской фамилии и визиты к многочисленной свите государя, так и заведующим дворами великих князей и великих княгинь, заняло очень много времени и прошло обычным порядком.

Более других расспрашивала меня о Михаиле Александрович великая княгиня Мария Павловна.

Затем последовал волнующий день моего расставания с полком.

Дорогие друзья устроили мне в собрании торжественный обед, поднесли на память замечательную по художественной работе вещь, а главное, вручили редкий полковой жетон, обладая которым я становился на всю жизнь, несмотря на дальнейшие перемены службы, постоянным и равноправным членом нашей кирасирской семьи.

Добрые слова, сказанные как-то по этому случаю, так и отданные отдельно обо мне в полковом приказе, до сих пор наполняют меня самым волнующим чувством.

Прощание с нижними чинами, как трубачей, так и эскадрона Ее Величества, которыми я раньше командовал, также было сердечным.

Все они благословили меня иконами и напутствовали самыми трогательными пожеланиями.

Не без чувства затаенной грусти снял я на другой день после товарищеских проводов свой красивый кирасирский мундир и надел скромный адъютантский.

Как бы лестно и заманчиво ни было мое новое назначение, я все же уходил от привычной среды, с которой давно сроднился, где меня любили, где я любил и где, наконец, я чувствовал себя свободно, просто и уверенно.

В будущем я мог, конечно, ничего этого и не найти. Новая среда не состояла лишь из одного Михаила Александровича и его сестер, в присутствии которых я чувствовал себя совершенно непринужденно, – там были и другие люди, которых я, положим, немного знал, но не мог ручаться за их полную искренность и доброжелательство ко мне, новичку; там предстояли, вероятно, и скучные особенности, которых совершенно не знала наша откровенная и дружная полковая семья.

В этом отношении мое пожалование флигель-адъютантом, как об этом говорил моему великому князю государь, не давало бы мне таких затаенных опасений.

Получая это почетнейшее для всякого военного звание, я оставался бы по-прежнему на привычной службе в своем полку, лишь крайне редко, не более раза в месяц, неся свое суточное дежурство при Его Величестве.

Свита государя за последние годы была крайне многочисленна, и частые пожалования в нее очень напоминали блестящие царствования императоров Александра I, Александра II и Николая Павловича в полную противоположность времени Александра III.

Сам государь Николай Александрович сначала следовал необыкновенно скупому обычаю отца, а вступая на престол, взял к себе флигель-адъютантами всего лишь 2-3 из своих ближайших сверстников и очень долго не жаловал этим званием никого.

Но целый ряд совпавших с последними годами царствования годовщин различных исторических военных событий и юбилеев как гвардейских, так и армейских частей и желание оказать полкам по этому случаю особое внимание и еще более сблизить их с собою (пожалование кого-либо из офицеров в свиту Его Величества всегда с давних пор воспринималось полками как милость им всем) побудили государя, к общей для всех военных радости и одобрению, изменить установившийся порядок.

Генерал-адъютант, генерал свиты и флигель-адъютант Его Величества – это были, собственно говоря, лишь почетные военные звания, тогда как заведующие дворами и адъютанты великих князей – это были уже должности, благодаря которым им приходилось намного чаще,

если не постоянно, соприкасаться с придворным бытом, чем лицам свиты государя, в громадном большинстве случаев остававшихся на местах своей обычной полковой службы.

Впрочем, со своим полком мне все равно рано или поздно пришлось бы расстаться, да и благодаря счастливым обстоятельствам мое общение с полковыми друзьями и полковой жизнью почти не прерывалось – мой великий князь сам служил в то время в полку, командуя моим бывшим эскадром Ее Величества, а полковые казармы находились в тесном соседстве с Гатчинским дворцом, где мне было отведено помещение...

III

С этим дворцом, в котором началась моя новая жизнь, у меня было раньше связано много самых счастливых переживаний.

В нем я познакомился впервые, в 1899 году, с твоей матерью, в нем сделался женихом, там же, в помещении твоего дедушки, в обычной семейной обстановке, я проводил много вечеров в обществе моего великого князя и его младшей сестры, твоей крестной матери, Ольги Александровны.

В этом же дворце обычно справлялись в торжественной обстановке в присутствии государя и наши полковые праздники.

Громадное здание дворца – самого большого после Зимнего и Кремлевского, не было таким изящным с внешней стороны, как у большинства остальных, но зато чрезвычайно удобным и, по-моему, очень уютным внутри.

Построенный еще в начале царствования Екатерины Великой, дворец этот в последующие годы дополнился двумя большими квадратными пристройками – арсенальным каре, заключавшим в себе помещения для царской семьи, и кухонным каре, где жили лица мужской свиты и некоторые дворцовые служащие.

Исторической частью являлось центральное здание, оставшееся, как и вся его обстановка, неприкосновенным со дня вступления на престол императора Павла I.

Все прошлое гатчинского «дворцового городка» неразрывно связано с именем этого несчастного императора-мистика, несмотря на свою вспыльчивость, обладавшего благородной душой, и его супруги императрицы Марии Федоровны.

Тот, кто желал бы возможно больше и ближе непредвзято изучить тогдашнюю павловскую эпоху, должен непременно познакомиться подробно с этой половиной Гатчинского дворца, хранящей много как для глубокой мысли, так и для воображения¹².

Здесь цесаревич Павел Петрович провел долгие годы отшельником, совершенно отстранившись от блестящего дворца Екатерины, занимаясь не одними только военными экзекуциями со своими гатчинцами, но и настойчиво готовясь к своему ответственному назначению.

Из Гатчины же, получив неожиданное известие о кончине своей матери, он поскакал, не возвращаясь уже больше в этот дворец, в нелюбимый всегда его сердцу Петербург, вскоре сделавшийся действительно его могилой.

Гробница этого императора, погибшего от заговора высших лиц¹³, до сих пор свято чтится простыми русскими людьми, крепко верящими в его непрекращающуюся защиту от всякой судебной неправды и обиды.

В нашем роду с именем императора Павла также связано немало воспоминаний.

Один из Мордвиновых, Николай Семенович, впоследствии известный адмирал и граф, некоторое, очень короткое время воспитывался вместе с маленьким цесаревичем Павлом Петровичем, а другой Мордвинов, Михаил Иванович, мой прапрадед, был женат на Саблуковой, сестре того конногвардейца Саблукова, который был с верными конногвардейцами в последнем карауле в Михайловском дворце в роковую мартовскую ночь, и сменен был благодаря интригам заговорщиков всего лишь за несколько часов до преступления.

В нашем сгоревшем перед самой революцией среднесельском доме еще сохранялись большие, во весь рост, прекрасные портреты императора Павла и его супруги, по всем данным, работы Боровиковского, а также и два его портрета в детстве.

Копии с этих портретов, несмотря на мои розыски, я нигде более не встречал; они, вероятно, были единственными, и я до сих пор не могу успокоиться, что они погибли навсегда.

После кончины Павла I Гатчина и ее дворец заглохли и опустели надолго. Последующие императоры, посещая Гатчину лишь изредка на время охоты, оставались там не более двух-трех дней.

С воцарением императора Александра III Гатчина снова оживилась. Государь, ища уединения для своей работы, а также желая удалиться, как он писал в одном из своих писем, «от мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской»¹⁴, избрал Гатчинский дворец своим постоянным местопребыванием и немедленно после похорон отца переехал туда.

Он и раньше часто бывал в Гатчине, и ему всегда были по душе и тихие деревенские окрестности, и тамошний прекрасный парк с целым рядом прекрасных озер, и огромные, окружавшие со всех сторон этот дворцовый городок, леса. И все это в каком-нибудь часе расстояния от столицы.

Об этих окрестностях упоминала с большой гордостью и Екатерина II в своей переписке с Вольтером.

* * *

Государя Александра Александровича я увидел впервые на второй год его царствования, будучи еще мальчиком. Он тогда приезжал в наш корпус, и я, как лучший ученик моего 2-го класса, имел счастье рапортовать Его Величеству¹⁵.

Государь был так велик и грузен, а я так мал, что, помню, мне пришлось глубоко запрокинуть голову назад, чтобы иметь возможность, как полагалось, смотреть ему прямо в глаза.

Помню и то, что от такой неудобной позы и смущения я мог тогда произнести лишь первые слова моего ученического рапорта – «Ваше Величество»... а остальные забыл. Государь терпеливо выждал некоторое время, а затем добродушно рассмеялся и задал мне несколько одобряющих вопросов, на которые я кое-как все же ответил.

Но в конце царского посещения мы совсем осмелели; при отъезде хватали государя за руки, залезали ему в карман, старались оторвать «на память» пуговицы и завладели его платком и перчатками.

Некоторые из нас уцепились за его сани, а остальные долго бежали рядом по улице и кричали во все наши детские голоса громкое «ура»...

Вечером нас повезли в театр «Фантошей»¹⁶, где присутствовал государь, и в антрактах нам разносили обильное «угощение от двора»...

Эти царские посещения повторялись затем каждый год, обыкновенно в великом посту, когда государь на некоторое время покидал Гатчину и переселялся в Аничков дворец.

* * *

Неожиданный переезд царствующего императора в заброшенный Гатчинский дворец, несмотря на всю его обширность, все же из-за недостатка побочных служб мало подготовленный для жизни Большого двора, отразился и на нашем полку.

Один из полковых манежей был тогда занят под экипажи придворно-конюшенной части, а казармы двух эскадронов были отданы под помещение части конвоя Его Величества и дворцовой полиции.

4-й эскадрон для этого был даже выведен в Царское Село, где жил с лейб-гусарами, а людям остальных приходилось довольно долго спать на тесно сдвинутых двух кроватях втроем. Несмотря на такую первоначальную тесноту и усиленную службу по охране – на наряды выходило $\frac{2}{3}$ полка ежедневно, – в полку царило тогда радостное возбуждение, понятное только

русской простой душе – ведь приходилось служить почти в непосредственной близости к русскому царю и нести перед всей родиной часть ответственности по его охране.

Государь и его семья выбрали для своего помещения самые неудобные маленькие комнаты, предназначавшиеся ранее для прислуги.

Они находились в антресолях арсенального каре и были так низки, что высокий рост государя позволял свободно дотрагиваться рукой до потолка.

Из всей семьи лучше всего была помещена по настоянию своей няни, англичанки Mrs Franklin, маленькая великая княжна Ольга Александровна.

Она занимала громадную комнату в верхнем этаже этого же каре и две небольшие комнаты по соседству с первой.

Я живо помню последние годы этого уже в далеком прошлом царствования, вспоминаю и много случаев из моего тогдашнего служебного и внеслужебного общения с нижними чинами, собранными со всех концов обширной России, – и уже тогда вынес твердое убеждение, что «навязанной святыней» русский царь в народном сознании никогда не являлся.

Он был для народа действительно святыней, но святыней ему не навязанной, а лишь им самим, для себя вымученной, как об этом говорят и все вдумчивые историки...

* * *

Моя жизнь началась при императоре Александре II. Его я увидел лишь в гробу, в Петропавловской крепости, куда водили с ним прощаться весь наш пансион¹⁷.

Для 8-летнего мальчика, только что прибывшего из деревни и находившегося в частном, притом иностранном немецком пансионе, и не имевшего, кроме редких рассказов няни и гувернантки, почти никакого представления о русском царе, кровавое событие 1 марта, казалось бы, не могло иметь особенно волнующего значения¹⁸.

А между тем уже тогда под влиянием ли всеобщего негодования и горя, или чего-то другого, уже собственного, полученного, вероятно, мною от моих русских предков, чувство какой-то страшно тяжелой утраты овладело тогда мною, ребенком, наравне со взрослыми и сознательными.

Такое же ощущение, но благодаря зрелому возрасту, с еще большей силой испытал я, находясь уже в военной академии, при получении известия о кончине императора Александра III¹⁹, которого я, в сущности, лично совсем мало знал.

И странно – ведь с кончиной этих государей сама идея царской власти, которой я был предан и которую мне могло «навязать» военное воспитание, не умирала.

Я хорошо знал, что Россия ни на одну минуту не останется и впредь без своего царя, и все-таки...

Ничего подобного я, любивший с малых лет чтение, не переживал, когда умирали наши известные писатели или другие выдающиеся русские, которых не мог уже заменить никто; но их значение для Родины, видимо, не было таким всеобъемлющим как для меня, так и для других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.